

„Современное слово“
1911 г. 11 февраля.

Сцена.

Утро памяти Коммиссаржевской.
Новый драматический театр.

Тускло, скелетно горят поминальные свѣчи въ фойе Нового Драматическаго театра. Вездѣ покрасѣвшіе глаза, стыдливое всхлипываніе; звучитъ безстрастное и все же хватающее за душу пѣніе...

Къ портретамъ Коммиссаржевской въ фойе присоединилась большая статуя, работы М. Блоха, и бронзовый бюстъ. Бывшее прежде сходство и чертъ, и выраженія миллаго лица В. О., теперь какъ-будто исчезло; быть можетъ, виной плохое освѣщеніе, или статуя переделана авторомъ, но сейчасъ она не трогаетъ, не умиляетъ.

Въ толпѣ, наполнившей залъ, гдѣ еще витаетъ свѣтлая тѣнь Коммиссаржевской, преобладаютъ скорбные черные дѣвѣта. Тоскливой безнадежностью зазвучала мелодія шопеновскаго «Marche funebre»,—и толпа прослушала его стоя, въ благоговѣйномъ молчаніи. Шемило душу и хотѣлось плакать дѣтскими, безсильными слезами.

Быть можетъ, наилучшими поминками было бы сейчасъ-же послѣ этихъ торжественныхъ аккордовъ, не расплескавъ молитвеннаго настроенія въ душѣ, тихо разойтись по домамъ. Но предстояла еще большая поминальная программа.

Красиво построенную рѣчь сказалъ О. Дымовъ; отъ него особо его крѣпкое, его звучаніе

В. О. театру «было похоже на какое-то предвѣщеніе, на исполненіе чьей-то скрытой воли». Мысль и вѣрная, и тонко подмѣченная.

Въ условно-театральной, оставляющей безучастнымъ манерѣ прочла В. Мичуринна стихотвореніе Т. Щепиной-Куперникъ, и для чего-то, вслѣдъ за этимъ, еще одно.

Нѣли Макаровъ и Тартаковъ, красиво и строго пѣвъ женскій хоръ (муз. Лядова) къ «Сестрѣ Беатрисѣ», съ которой связаны лучшія, самыя волнующія воспоминанія о В. О., какъ артистѣ.

Опять появилась, добытая изъ старыхъ сараевъ, прекрасная декорация, въ которой «Беатриса» и та при Вѣрѣ Федоровнѣ.

Довольно большой, расхлябывающій аттрактъ—и вотъ мы въ коншарномъ мірѣ интаго акта «Жизни челоѣка», поставленнаго на этотъ разъ Л. Андреевымъ.

«Жизнь челоѣка», одна изъ изысканнѣйшихъ постановокъ театра времени Коммиссаржевской, не напоминаетъ о живой Вѣрѣ Федоровнѣ, — она въ этой пьесѣ не ятрала, но напоминаетъ зато о ея жуткой, безвременной кончинѣ.

Ожилъ и получалъ въ день поминокъ особый смыслъ—суровый силуетъ «Нѣкогого въ свромѣ», и отвратительный, хихикающій, смѣхъ старухъ вдругъ умирающаго Челоѣка...

Предстояло прослушать еще кого-то, и еще кого-то, но я вышелъ изъ театра, боясь оскорбительнаго въ такой день чувства ходныхъ будней.

Л. Вас—ій.